

Русский интеллигент — личность. Личности не любят шагать строем

Известия. 1997. — 11 дек. — с. 5

Борис ВАСИЛЬЕВ

Я принадлежу к тому, увы, немногочисленному поколению, которое помнит жаркие споры, громкие споры, споры шепотом при наглухо закрытых форточках и, наконец, молчание. Нет, не семейные — мне посчастливилось родиться в семье, в которой вообще никогда не повышали голоса. Споры о главном. О пути, выбранном Россией. Ее шаги в неизвестность с болью и страхом ощущались очень многими семьями.

В 31-м году мы жили под Миллерово в тесном и плохо утепленном вагончике. Зима выпала морозной и ветреной, и в вагончике постоянно топились буржуйка. Днем огонь поддерживала мама, а ночью отец и мать вставали по очереди, чтобы подбросить полешек в ее раскаленный зев. И однажды в эту огненную прорву полетели какие-то бумаги и наши семейные фотографии. А я проснулся и смотрел, как, корчась, сгорают толстые дореволюционные паспорты, и молчал, потому что все понял. Мои родители сжигали свое прошлое.

На следующий день я получил несколько категорических запретов. Никогда не говорить о том, что я бывал и подолгу жил в имении деда Высокое в 22 верстах от Ельни; никогда не упоминать о золотых погонах отца; отныне и навсегда во всех видах анкет в графе «социальное происхождение» писать: «сын военнослужащего». И наша семья не была такой уж уникально осторожной: так поступало большинство провинциальных дворянских семей, далеких не только от титулованной знати, но и вообще от известных столичных фамилий. И эта предусмотрительность спасла многих, поскольку советские карающие органы не знали истории собственного народа, да и не интересовались ею. Каждая семья в Советском Союзе выживала в одиночку, и способы их выживания не повод для укоров, а повод для горьких размышлений. Люди отрезались от корней своих во имя спасения собственных детей.

До чего же хрупка, до чего же беззащитна оказалась нравственность всего нашего народа! Дворяне жгли документы и фотографии, дети раскулаченных крестьян брали иные фамилии, убега в города, евреи меняли в паспортах национальность своих детей... Нет, не все, разумеется, не все: я говорю лишь о тенденции, но именно тенденция в конечном счете и определяет народную нравственность. Маргиналам и люмпенам всех сословий России не требовалось ничего менять — так не их ли представления о нравственности торжествуют сегодня в нашем обществе?

Небольшое отступление. «Только плодов с древа не ешьте, ибо умрете», — сказал Господь. «Не умрете — усмехнулся Змий. — Не умрете, а познаете самих себя и станете, как боги». И Ева вкусила, а вкусив, протянула Адаму, и тот тоже вкусил. И вдруг увидели они, что наги, ощутили стыд и сделали себе опоясание из листьев смоковницы.

Стыд ощутили, а что сие значит? А то и значит, что познали себя человеками: зверям стыд неведом. И не Адам Еве, а Ева Адаму протянула яблоко. Не потому ли, что женщина более всего нуждается в защите как от внешней, так и от внутренней агрессии: противопоставление Добра Злу подразумевает защиту Добра от Зла. Впоследствии эта bipolarность разовьется: Бог и Дьявол, Рай и Ад, Христос и Антихрист, но в основе этого противопоставления навсегда останутся Мужчина и Женщина. То есть семья человеческая, которой и адресованы постулаты Нагорной проповеди: «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй», «Мирись с соперником твоим, пока ты еще на пути с ним»... Основы нравственности, фундамент самой культуры хранятся в семье и пере-

даются детям матерью, поскольку отцу определено изыскивать хлеб в поте лица своего. И любая подмена нравственности государственной целесообразностью всегда была, бьет и будет бить по семье, а ведь только в ней учат видеть человеческое в человеке.

Я очень рад, что на телевидении наконец-таки появился канал «Культура», однако мне кое-чего в нем не хватает. По России катится эпидемия поиска успокоения души. Множество отчаявшихся людей ищут утешения не в церкви, что по крайней мере хотя бы отвечало традициям. Но традиции утрачены, жаждающие бросились в объятия шарлатанов, агрессивных сект, авантюристов и обманщиков. Необходимо восполнить то, чего мы были лишены три четверти века: истории мировых религий, знакомства с Библией, Кораном и Евангелиями и их доступный широкому пониманию анализ. Суеверие, то есть верование всуе, без мысли, попусту, есть проявление воли толпы, а не выбора личности, моды, а не собственной совести, соображений скорее политических, нежели этических. Натальный крестик стал ныне знаком причастности к некоей идеологии, заменив собою партийный билет, а то и попросту дополнив его.

С гоговущим энтузиазмом были сокрушены церкви и храмы, монастыри и обители: об этом мы по крайней мере хотя бы вспоминаем. А кто вспомнил о повальном ограблении склепов и могил наших предков практически на всех городских кладбищах? Подобного санкционированного кощунства не знала ни одна страна в мире.

Известный историк П.А.Зайончковский, могилу предка которого, знаменитого адмирала Нахимова, разграбили черноморские морячки, рассказывал мне, что пытался вместе со своими учениками составить списки оскверненных захоронений, однако масштаб содеянного превосходил возможности. Списка нет, и я приведу всего один пример из того несветлого разговора.

В 18 километрах от Смоленска расположено старинное село Талашкино, проданное в 1893 году князю Тенишеву. Супруга князя Мария Клавдиевна Тенишева, Почетный гражданин города Смоленска, превратила село в художественный и культурный центр не только губернии, но и России. Были созданы художественные мастерские, художественная школа для крестьянских ребятишек, музей крестьянского быта, где была собрана уникальная коллекция. Талашкино навещали Репин, Бенуа, Врубель, Дягилев, Трубецкой, Рерих, Стравинский, Коровин, Малютин. В 1903 году в Париже скончался князь Вячеслав Николаевич Тенишев, предприниматель, общественный деятель, ученый, на средства которого и существовал этот уникальный центр крестьянской культуры. Тело его было доставлено в Талашкино, где и предано земле в подклети фленовской церкви Святого Духа. А через два десятка лет раздетый догола набальзамированный труп оказался сидящим в ложе с сигаретой во рту и газетой «Рабочий путь» в руках. Ночью труп исчез, и где закопан, неизвестно, но представьте себе всю глумливую безнравственность эту!

Нет, большевики взрывали не могилы, а саму нашу память, не покой усопших, а само понятие греховности.

Кладбищенскими и кандалными тропами вошла страна наша в период индустриализации. Общечеловеческая мораль существовала в ту пору подобно оазисам в мертвой пустыне. В понятиях порядочности, вере в добро, в брезгливости к воровству, лжи, сквернословию. В уважении к женщине, старости, человеческому достоинству. Существовала на уровне семьи в заветном шепоте матери, в скупых словах отца, в слезах бабушки и урюгом ворчаньи деда.

В конечном и печальном итоге рухнула и эта семья-хранительница народной нравственности. На селе — как следствие коллективизации, повлекшей за собою обесмысливание крестьянского труда; в городе — в результате индустри-

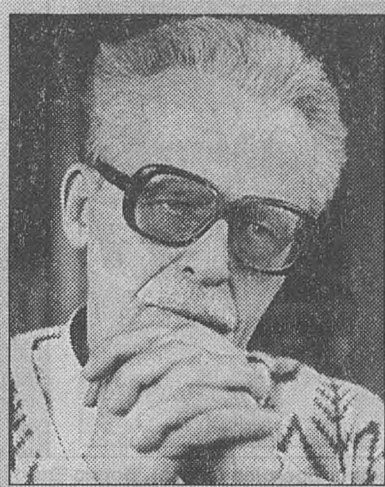
ализации с ее насильственными переселениями сотен тысяч людей. У подавляющего большинства переведенных, перемещенных и переселенных просто не стало Дома. С бабушкой и дедом, с традициями и воспоминаниями, с отметками роста сынов и дочек на притолоках. Вместо отчего дома оказалась ЖИЛПЛОЩАДЬ, а вот жить, просто жить — любить, рожать детей, воспитывать их оказалось негде. И на этой казенной жилплощади, лишенной любви и счастья, и выросли все мы. Все. Исключения редки, как самородки.

К интеллигенции на Руси всегда относились настороженно, но только большевики ненавидели ее с открытым издевательским хохотом. В фильмах моего детства интеллигенты изображались хилыми очкастыми недотепами, то ли уже изменившимися, то ли всегда готовыми к измене. Едва ли не первым фильмом, в котором заговорили об интеллигенции в несколько ином ключе, был «Ленин в 18-м году». Там Горький, придя к Ленину, напоминает ему (напоминать пришлось!): «Интеллигенцию кормить надо, Владимир Ильич. А то помрут писатели. И ученые помрут». Так возникло ЦЕКУБУ, которым сегодняшние наследники коммунистов пытаются бить все доказательства противного, как бьют туза шестеркой в детской карточной игре в «пьяницу». Увы, как раз-то Владимир Ильич ненавидел интеллигенцию пуще всех своих соратников, не утруждая себя особым подбором слов. Обратите внимание на его записки: в них звучит какая-то заматерелая, подкорковая обида фрейдистского оттенка. И этот странный фрейдистский комплекс вождя пройдет сквозь всю нашу жизнь, пока не выльется в открытый и злобный террор в последние деяния Сталина: борьба с космополитами и особенно — «дело врачей». Стоя на краю могилы, он ташил с собою лучших представителей советской интеллигенции. И это после победоносной войны, принесшей ему лично мировое признание и авторитет.

Как-то в одной деревне Клинского района местная учительница показала мне бережно хранимые реликвии: три пары простеньких железных очков. Все, что сохранила земля от ополченцев 41-го года. В черных драповых пальтишках остатки русской интеллигенции гибли в белоснежных полях под Москвой. Гибли, жизнью своей расплачиваясь за кровавый итог авантюры советской политики, исполнив до конца свой долг перед народом, о котором забыла собственная власть. Впрочем, она забыла даже предать земле павших, еще раз проявив уникальное святотатство, свойственное только уголовному миру.

Похоже, что движение для нас самоцелью само по себе, поскольку пейзаж за окном создает иллюзию достижения цели. Мы — созерцатели по натуре своей. Созерцаем очередное сотрясение ветвей власти, очередной скандал в верхах, очередную перетасовку в правительстве. Право на созерцание — последний бастион демократии: гласность и избирательное право — всего лишь поля битв политических группировок за место на облучке. Кто на облучку взберется, туда и поскачем. Мы — страна полумер, полудемократии, полуринка, полузаконов, полуневежд, полуничих. Все — полу, и ничего — полностью, за исключением продажи наследства наших внуков и правнуков.

Мы настолько заражены советской психологией, что по каплям ее уже не выдавишь: нужно личное переосмысление судьбы собственного народа. В нас живет не только тоска по восточному деспотизму, но и великое множество мифов и предрассудков, густо возросших на духовной целине, в большинстве так и не тронутой плугом семейного воспитания. И любое обучение здесь бессильно: государство готовит специалистов, а интеллигентов — только семья. Но нынеш-

«Любая подмена нравственности государственной целесообразностью всегда была по семье, а ведь только в ней учат видеть человеческое в человеке».

няя семья — внуки и правнуки первого поколения советских граждан, переполненных как «чувством законной гордости», так и убеждением, что вчерашняя молодость лучше сегодняшней старости.

Равенство бедности не требует душевных затрат, тогда как неравенство вызывает массу негативных эмоций. И не только зависть, но и острее чувство обиды, вызванной социальной несправедливостью, поскольку власть наша сегодня просто не в состоянии выполнить своей коронной обязанности — защиты малоимущих и обездоленных.

Говорят о необходимости всеобщего согласия как гарантии стабильности и последующего прорыва к всеобщему благополучию. Да, без единого гражданского общества в раздробленной на части, утратившей смысл собственного существования стране нам грозит долгое топтание на месте, опасное шараханьями в любую сторону. Но с чем согласие? С преступной советской идеологией кремлевских Сусаниных, затащивших нас в болото распавшейся народной нравственности? С фашиствующими молодчиками со свастикой на рукавах? С воинствующими напратниками с их зоологическими лозунгами всеобщей ненависти? Подобное согласие вновь привело бы нас к необходимости загнать внутрь собственную, только-только начавшую пробуждаться гражданскую совесть, а подобное состояние саморазрушения мы уже проходили. Несогласие внутри куда опаснее несогласия снаружи, это динамит с постоянно текущим бикфордовым шнуром. Только полная ясность понимания реальной опасности вчерашних иллюзий может стать основой стабильности и согласия.

Интеллигенция является единственной общественной силой, способной исполнить свой долг перед народом не по должности, не по корыстным или политическим мотивам, а по зову совести своей. И здесь мои надежды адресованы не столько интеллигенции столичной, слишком политизированной и слишком уж оторванной от реальностей современной России.

Я живу в Солнечногорске, неподалеку от совхоза, где имею много друзей и даже крестников. Преподовательница литературы совхозной школы Людмила Андреевна каждое лето организует экскурсии для старших школьников. Ее ученики проехали по Золотому кольцу, побывали в Новгороде, Пскове и пушкинских местах, посетили Брестскую крепость и Волгоград, не считая обеих столиц. И даже сейчас, когда совхоз уже не в состоянии оплачивать хотя бы дорогу, она упорно ищет спонсоров и меценатов. Провинциальная интеллигенция делом занимается. Просветительством.

А способна ли интеллигенция вообще на какую-либо организацию, даже неформального свойства? Честно скажу: не уверен. Каждый русский интеллигент — личность, а личности очень не любят шагать в строю, скандируя лозунги. Но России сегодня так трудно, что завтра станет немыготу. Такое уже случилось в ее истории, но тогда в Нижнем Новгороде на Торгу выступил Гражданин. Звали его Кузьма Минин.

И я упрямо верю, что и ныне мы сдюжим. И очень огорчусь, если в очередной раз подтвердится самый емкий и точный афоризм наших дней: «ХОТЕЛИ, КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ, КАК ВСЕГДА».